
МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА

А.М. Родригес

Кафедра новой и новейшей истории
Московский государственный педагогический университет
Малая Пироговская ул., 1, Москва, Россия, 119992

Статья посвящена анализу развития политической идеологии и столкновению ее национальных моделей развития («национализм», «социализм», «национальные интерпретации капитализма») в современных восточных обществах.

Ключевые слова: национализм, социализм, политика, национальные интересы, восточное общество.

Восток второй половины XX века постепенно превратился из зависимого объекта колониальной и неоколониальной политики Запада в самостоятельную силу на международной арене. Тем не менее западные державы стремились и в новых условиях сохранить и даже расширить свои позиции в странах Востока, привязать их к себе экономическими, политическими, финансовыми и прочими узами, опутав сетью соглашений о техническом, военном, культурном и прочем сотрудничестве. Если же это не помогало или не получалось, то западные державы, особенно США, не колеблясь, прибегали к насилию, вооруженной интервенции, экономической блокаде и прочим средствам давления в духе традиционного колониализма.

Вторая половина столетия была особенно отмечена резким ускорением социального и идеологического развития восточных обществ (мощным катализатором такого ускоренного развития стала Вторая мировая война). Происходило не только зарождение новых социальных слоев, классов, прослоек и категорий, но и изменение качества самого общества. Печать модернизации и даже «вестернизации» все более отчетливо определяла социальный, политический и идеологический облик Востока, тем не менее оставшийся пестрым и многообразным. От модернизации экономической, политической и социальной зависела последующая идеологическая модернизация. В новом общественном спектре главным генератором идей и новых политических идеологий выступила интеллигенция. В нее входили группы, различающиеся по имущественному положению (интеллигенция буржуазная или мелкобуржуазная), по политическим пристрастиям (умеренная или радикальная), но именно для нее (особенно для ее мыслящей элиты) идеи стали главным объектом деятельности. Образовавшийся в постколониальный период относительно многочисленный слой интеллигенции по своей структуре, по характеру своей деятельности призван был более или менее адекватно отражать умонастроения всех классов и социальных групп и формировать их отношение к миру.

Творческая интеллигенция современной формации готовила демократический и социальный переворот, закладывала теоретическую основу национально-освобо-

дительного движения. Еще в первой половине XX в. писатели и публицисты стали властителями дум молодежи, несли факел свободы и прогресса. При всех расхождениях во взглядах они были едины в стремлении защищать национальные интересы и идеалы. Правда, со временем духовный и интеллектуальный подъем в период завоевания и утверждения независимости сменился падением социальной активности. Афро-азиатская интеллигенция не успевает, а возможно и не стремится успеть за переменами. Интеллектуальную элиту и массы разделяет стена. Для масс важной оказывается не общественная полезность знаний, не идейная убежденность интеллигента, не глубина и значимость его взглядов, а принадлежность к слою образованных людей, которая открывает путь к власти, привилегиям, личному благополучию. Сингапурский социолог Х.С. Алатав в связи с этим писал в 1970-х гг.: «Во многих развивающихся странах отсутствуют условия для формирования интеллектуальной элиты; нет общественного признания, нет спроса на интеллектуала. Средства массовой информации находятся в руках правительства или тех, кто не может по достоинству оценить интеллектуальный труд. В университетах отсутствует атмосфера, которая способствовала бы активной умственной деятельности. Писатели и издатели не помогают выращивать элиту» [5. С. 115]. Трудно просчитать все причины кризисного состояния значительной части творческой интеллигенции на Востоке. Во всяком случае, одна из причин состоит в смене задач национально-освободительной революции, к чему интеллектуалы не были готовы. После обретения политической независимости центр тяжести национальных усилий переместился на экономическое развитие и социальные отношения. Общественных деятелей, которые возглавляли освободительную борьбу, сменили политики и бюрократы. Интеллектуальная элита была отеснена от центров принятия решений и надолго смирилась со своей участью. Казалось, ее роль выразителя национального недовольства была исчерпана.

Однако события очень скоро показали, что прямой связи между независимостью и благосостоянием народа нет. И опять интеллигенция обратилась к идее национального возрождения в сообществе равноправных народов, стала мечтать об экономическом росте и социальной стабильности, уповая на цивилизаторскую миссию Запада. Но в ответ столкнулась с неокOLONиалистской угрозой, с опасностью утраты самобытности в процессе «вестернизации», с неспособностью национальной власти разрешить многочисленные проблемы общества.

Развитию общественной мысли в странах постколониального Востока предшествовала просветительская деятельность более раннего периода — первой половины XX в. Как правило, просветительство воспринимается как сущностно целостное явление в общественной мысли и литературе, имеющее антифеодалную направленность, когда бы оно ни возникло. Большинство специалистов относят восточное просветительство ко второй половине XIX в., но в полном объеме его деятельность разворачивается в начале XX в. На колониальном Востоке просветительство предшествовало формированию политических идеологий. Типичны рассуждения Амина ар-Рейхани (1828—1871) о великом городе знаний, свободы, братства и верности, где духовные силы и разум одерживают верх над материаль-

ными интересами, о городе, жители которого перековали мечи на орала [1. Ч. I. С. 61, 105]. Египтянин Таха Хусейн (1889—1973) считал невежество главным пороком, мешающим человеку понять, в чем состоит его благо. Он хотел прежде всего разрушить стену традиционализма и способствовать выработке в народе современного мышления через просвещение умов, усвоение достижений западной культуры и ценностей национального культурного наследия. Он писал: «Народ нужно всемерно просвещать. Только в этом заключена для него возможность понять причину гнета и потребовать ответа у тех, кто унижает его, возможность стать хозяином плодов своего труда. Только это одно обратит народ лицом к справедливости и заставит его поверить, что равенство возможно» [4. С. 118].

После революции 1911—1913 гг. в Китае развернулось движение «за новую культуру» на волне чрезвычайного интереса молодежи и интеллигенции как к западной культуре, так и к национальным культурным ценностям. Властителями умов стали Руссо, Монтескье, Спенсер, Дж. Ст. Милль. Китайским просветителям было присуще преклонение перед силой разума. Они боролись с суевериями и всепроникающим догматизмом. Один из лидеров просветительского движения Ли Дачжао придерживался атеистических взглядов. Демократ Чэнь Дусю (1878—1942) писал: «Наша вера должна быть основана на началах реализма и разума, все фантазии, доставшиеся нам от прошлого, — религиозные, политические, этические и другие догмы — носят иррациональный, фальшивый характер» [3. С. 71]. Корейский политический мыслитель Тосан (1878—1938) считал, что национальная независимость, социальная реформа и модернизация возможны только через просвещение и моральное совершенствование личности как основы нации и через слияние народа во всеобщей и взаимной любви. Его программа реформ предусматривала преобразования в области религии и образования, развитие сельского хозяйства и промышленности, модернизацию всей жизни [6. С. 241, 239].

Несмотря на то, что восточное просветительство «в чистом виде» было кратковременным явлением в разных странах в разное время, оно выполняло чрезвычайно важную для формирования общественно-политической мысли на Востоке миссию, перенося на восточную почву многие идеи западно-европейских просветителей, подготавливая умы к усвоению представлений о прогрессе, свободе и социальной справедливости, к борьбе за национальную независимость, свободу и прогрессивное развитие.

В постколониальный период развитие общественной мысли и политических идеологий уже определяли конфликты разной глубины на разных уровнях и в различных сегментах социально-экономической, социально-политической и социально-культурной системы. Переходному состоянию общественных структур на Востоке соответствует переходное состояние психологии, идеологий, ценностной шкалы, общественного сознания вообще. Переходное состояние — результат современной модернизации, изменившей нормы, установки, роль, ориентиры. Появление множества новых социальных групп и связей, индивидуализация потребностей и соответственно новое осмысление, и новые подходы к жизненным проблемам сопровождаются ростом конфликтности. Вторая половина XX в. отмечена тремя собы-

тиями, которые определили основные направления движения общественной мысли на Востоке. Во-первых, это крах колониальной системы, в результате чего бывшие колониальные и зависимые страны стали субъектами истории, поднялась мощная волна самоопределения наций (а также народов и этносов). Во-вторых, появление интегрированных схем, знаменующих начало перехода человечества в качественно новую фазу социально-экономического развития — в постиндустриальную эпоху, что уже повлияло на характер международного разделения труда. Наконец, в-третьих, кризис мирового социализма после распада СССР.

Масштабность этих событий очевидна, хотя для ее осмысления необходима историческая дистанция. Уже два-три поколения на Востоке выросли в информационном пространстве, насыщенном такими понятиями, как нация, народ, партия, право, закон и справедливость, историческое наследие, традиции, колониализм, империализм, слаборазвитость, социализм, демократия и т.п. Но эти слова воспринимаются людьми по-разному, и мировоззрение отдельных людей и социальных групп, духовная атмосфера общества, его представление о себе и о других складываются в условиях противоборства и компромисса между конфликтующими интересами и взглядами. Полюсами общественно-политической мысли на Востоке являются, с одной стороны, официальные идеологии и программы (официальная интерпретация государственного интереса), а с другой — взгляды экстремистской оппозиции. Между этими полюсами находятся идейные конструкции интеллектуальной элиты, неформальных лидеров, программы оппозиционных организаций и партий. Они составляют палитру сходных или несходных, созвучных или не созвучных официальной идеологии или прямо противостоящих ей концепций и взглядов.

Господствующей идеологией на Востоке явно или завуалировано становится национализм, который накладывает свою печать на все проявления общественной мысли. В центре идеологической борьбы повсеместно находятся проблемы власти, функционирования политических институтов, их способность обеспечить государственную и национальную интеграцию, стабильность общественных структур и экономический рост. В конечном счете, именно проблема власти, прежде всего политической, в бесконечных проявлениях господства-обладания-присвоения была, остается и останется главной для общественной жизни, стержнем социальных конфликтов: классовой борьбы, напряженности межэтнических и межконфессиональных отношений.

Для восточной мысли конца XX в. все еще остается актуальной тематика, со времени пробуждения Востока составлявшая ось общественного сознания и связанная с выявлением последствий столкновения национального и интернационального начал. Следует еще раз подчеркнуть, что наряду с уверенно набирающей силу тенденцией в пользу культурного синтеза, несмотря на временные откаты, компромиссы, все более настойчиво звучат голоса «почвенников», выступающих за отказ от свойственных западному обществу ориентации на интерес, рациональный выбор цели, радикальный индивидуализм, в пользу моральных и духовных ценностей как основы восточной общественной организации, коллективизма и т.п.

В условиях нарастания социальной, экономической, религиозно-политической нестабильности в «низах» растет волна экстремизма, а в официальных кругах формируется так называемое «третьемирское сознание» (теперь, может быть, вернее сказать — самосознание «второго мира») как результат осознания развивающимися странами общности интересов в борьбе за более справедливый мировой порядок.

Другая особенность — частая смена официальных идеологий как показатель нестабильности восточных обществ. Политический либерализм, который утвердился было в первые десятилетия после Второй мировой войны, в 1960—1970-е гг. был вытеснен мелкобуржуазной идеологией в виде концепций национального или религиозного социализма. В 1980—1990-е гг. эти концепции, как и марксистский социализм, в свою очередь уступают напору реформистских национально-либеральных течений. Например, государственный национализм в Индии испытывает постоянное давление со стороны экстерриториального и лингвоэтнического национализма, религиозно-политических движений. В СССР интернационалистская идеология не смогла устоять против всплеска национализма. После сепаратного мира, заключенного между Египтом и Израилем в 1978 г., в упадке находится наднациональная идеология арабского национализма. И так далее. Кажется бесспорным, что страны Востока движутся по общемировому пути развития. Но процесс универсализации в восточных обществах имеет своеобразие, поскольку они вступили в постколониальную эпоху в неравных стартовых условиях. Они занимают разное место в международном разделении труда, оказались включенными в разные геополитические конструкции: одни — в сферу мирового капиталистического хозяйства, другие — в орбиту мировой социалистической системы. Отличаются они и по природным условиям, и по уровню экономического развития и принадлежности к тем или иным культурным ареалам. Каждая страна Востока ищет свой путь к стабильности и процветанию, сообразуясь со своими возможностями. Но не только. Законы общественного развития преломляются через особенности местных культур и мировосприятия. Народы по-разному реагируют на внешний вызов, даже когда он один для всех, например угроза мировой войны. В одних странах идеология формируется под влиянием преимущественно государственных интересов и общенациональных целей, определяющих общественную потребность в адаптации к меняющейся обстановке, в других — государственная идеология деформировала и государственный интерес, и государственную политику в угоду утопической цели. О специфике стран Востока вообще и каждой в отдельности написано много. Здесь представляется необходимым лишь подчеркнуть важность цивилизационного своеобразия, во многом определяющего характер и проявление общих закономерностей эволюции общественной мысли.

Временные вехи развития общественной мысли на Востоке в постколониальную эпоху как никогда определяются событиями мирового значения. Первые два послевоенных десятилетия — это период становления национальных государств, интенсивных интеграционных процессов, формирования государственного национализма. Главным для бывших колониальных и зависимых стран была замена колониальной администрации национальными структурами, преодоление региона-

лизма, этноцентризма, трайбализма и конфессионализма через достижение определенного уровня общественного согласия. То было время высокой активности общественных сил. Интеллектуальная элита была захвачена идеей служения обществу. Для нее такие просветительские установки, как свобода, гуманность, социальная справедливость, преодоление отсталости, были моральным императивом. Стержнем же официальной идеологии становится государственный национализм, высшей целью которого является защита интересов государства в международных отношениях. Усиливается тенденция к национальному самоутверждению и соответственно — интерес к культурному наследию, традициям. С 1990-х годов этот путь повторяют страны СНГ.

Стремление большинства молодых суверенных государств освободиться от неокOLONиальной зависимости во многом определило их выбор стратегии развития. Еще в 1950-х гг. экономические проблемы в целом решались в прагматическом ключе по канонам капиталистического рынка — опыту Запада придавалось универсальное значение. Впрочем, успехи бывшего СССР, Китая, стран Восточной Европы в решении ряда экономических и социальных проблем побуждали политический авангард многих афро-азиатских государств к поиску некапиталистического пути развития. Благодатную почву там находил социализм как теория экономического роста и обеспечения социальной справедливости. Общественная мысль оказалась под сильнейшим воздействием социалистических идей, причем леворадикальные течения отталкивались от марксизма как целостной научной теории и идеологии. Социализм на платформе догматизированного марксизма в своих крайних формах — советской и близкой к ней модели — отличался идеологизацией всей общественной жизни, направляющей ролью одной партии, гипертрофированно планируемой и контролируемой государством сферой производства и распределения. Влияние социализма было так велико, что до середины 1980-х гг. положительная или отрицательная реакция на него была характерной чертой общественной мысли. С социализмом соотносились концепции развития, даже мало имеющие с ним общего. Но уже в 1960—1970-х гг. во многих развивающихся странах назревает кризис доверия как к капиталистической модернизации, так и к советскому и ему подобным моделям развития, которые оказались неэффективными на Востоке, поскольку возрастал разрыв между развивающимися и развитыми государствами в экономическом отношении и по уровню жизни населения.

Системная несовместимость заимствованных моделей развития с возможностями полутрадиционного общества привела к появлению альтернативных концепций. Одни отвергают и капитализм, и социализм, другие предлагают рецепты оздоровления, составленные из элементов социализма и капитализма. Историческому опыту Запада уже не придается универсального значения. К осознанию собственной отсталости по сравнению с индустриальным миром во многих отношениях добавляется сознательное стремление доказать преимущества Востока перед Западом. С альтернативными концепциями связываются чаяния о процветании и обретении достойного места в мировом сообществе при сохранении национальной самобытности. 1970-е гг. во многих афро-азиатских странах отмечены «ис-

правлением ошибок» — пересмотром стратегии развития в связи с качественным изменением неокOLONиальной системы в результате достижений НТР и структурного кризиса начала 1970-х гг., а также переменной роли стран Востока в мировой экономике. В 1970—1980-х гг. выдвигаются реформистские концепции в социал-демократическом духе и растет популярность либеральных идей при падении влияния леворадикальных взглядов, обострился начавшийся в 1960-х гг. кризис революционных движений. Вместе с тем набирают силу крайние консервативные течения, проникнутые духом коммунизма, религиозного фундаментализма охранительного толка, возрастает влияние религии и традиций на общественное сознание. С окончанием «холодной войны», в конце XX — начале XXI вв. как для либеральных, так и для крайне радикальных правых взглядов сложилась благоприятная обстановка, левые силы, напротив, утрачивают свои позиции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ар-Рейхани Амин*. Ар-Рейхани. Ч. I—II. — Бейрут, 1961 (на арабск. яз.).
- [2] Идеологические проблемы современной Индии. — М., 1970.
- [3] Общественно-политическая мысль в Китае. — М., 1988.
- [4] *Хусейн Таха*. Мустакбаль ас-сакафа фи Мыср. — Каир, 1936 (на арабск. яз.).
- [5] *Alates Sayed*. Intellectuals in Developing Societies. — L., 1977.
- [6] Main Currents of Korean Thought. — Seoul, 1983.

MODERNIZATION OF THE PUBLIC THOUGHT ON THE POLITICAL SPACE OF THE MODERN EAST

A.M. Rodrigues

New and Modern History Chair
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia, 119992

The article deals with the analysis of the development of the political ideology and the collision of it's national models («nationalism», «socialism», «national interpretations of capitalism») in the modern eastern societies.

Key words: nationalism, socialism, policy, national interests, eastern society.